Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-509-513
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

СЕРГИЕНКО Александр Сергеевич,
начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, кандидат психологических наук,
e-mail: Al.s.krsk@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за правонарушения в сфере экономики. Анализируются критерии дифференциации, коллизии норм КоАП РФ и УК РФ, а также влияние новейших законодательных изменений на правоприменительную практику.*

Ключевые слова: *административная ответственность, уголовная ответственность, экономические правонарушения, разграничение, общественная опасность, декриминализация, коллизия, квалификация, преюдиция, правонарушение.*

Для цитирования: *Сергиенко А. С. Проблемы разграничения административной ответственности и уголовной ответственности за экономические правонарушения // Право и управление. 2026. № 10. С. 509–513.*

SERGIENKO Alexander Sergeevich,
Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological Sciences

PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN ADMINISTRATIVE LIABILITY AND CRIMINAL LIABILITY FOR ECONOMIC OFFENSES

Annotation. *The article examines the theoretical and practical problems of distinguishing between administrative and criminal liability for offenses in the economic sphere. The criteria for differentiation, conflicts between the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the impact of the latest legislative changes on law enforcement practice, are analyzed.*

Key words: *administrative liability, criminal liability, economic offenses, differentiation, public danger, decriminalization, conflict, qualification, prejudice, offense.*

For citation: *Sergienko A. S. Problems of distinguishing between administrative liability and criminal liability for economic offenses. Law and administration. 2026;(10):509–513. (In Russ.).*

В отечественной юридической науке вопрос о том, где проходит граница между административной и уголовной ответственностью за экономические правонарушения, уже много лет остаётся предметом оживлённых споров. Экономические отношения – это сложная многоуровневая система, и провести чёткую черту между проступком и преступлением в этой сфере далеко не всегда удаётся. В литературе не раз подчёркивалось: условность таких границ порождает целый ряд проблем, которые снижают эффективность правоприменения. Конституция РФ (ч. 1 ст. 50) закрепляет принцип, запрещающий повторное осуждение за одно и то же преступление. Из него вытекает требование к законодателю: критерии отнесения деяния к административному

правонарушению или преступлению должны быть чёткими. На деле же правоприменитель нередко оказывается в ситуации, когда одни и те же экономические действия можно квалифицировать и по КоАП РФ, и по УК РФ. Это создаёт почву для коррупции и правовой неопределённости. В предлагаемой статье указанная проблематика рассматривается с учётом последних законодательных изменений и складывающейся судебной практики.

Центральным вопросом теории административного и уголовного права является определение критериев, позволяющих отграничить экономическое правонарушение от экономического преступления. Традиционно в качестве основного критерия рассматривается общественная опасность деяния, характер и степень которой, как предполагается, качественно различаются у проступков и преступлений. Согласно одной из распространенных позиций, экономические административные правонарушения отличаются от преступлений не только степенью исходящей от них опасности, но и качественно иным ее содержанием. Это означает, что простое увеличение количественных показателей (например, размера ущерба) не может автоматически трансформировать административное правонарушение в преступление; требуется изменение самого характера общественной опасности. Однако на практике законодатель нередко использует именно количественные пороги (крупный размер, крупный ущерб, доход) в качестве основного разграничительного признака, что порождает серьезные трудности [2]. В правоприменительной деятельности правоохранительных органов достаточно часто возникают сложности в отграничении преступлений экономической направленности не только от административных правонарушений, но и от гражданско-правовых деликтов. Как отмечается в научной литературе, причиненный ущерб выступает главным основанием отграничения преступления от гражданско-правового деликта [6]. При этом проблема усугубляется наличием в уголовном законодательстве так называемых «мертвых» норм – составов, которые фактически не применяются на практике в силу сложности доказывания или неопределенности оценочных признаков. Это создает ситуацию, когда формально деяние является уголовно наказуемым, однако правоприменитель предпочитает квалифицировать его по нормам КоАП РФ, что размывает границы между административной и уголовной ответственностью.

Другой аспект проблемы связан с конкуренцией норм КоАП РФ и УК РФ. Введение в Кодекс об административных правонарушениях новых составов, одноименных или пограничных с преступлениями, лишь обостряет ситуацию. Как отмечает Р. А. Карташов, противоречия, связанные с конкуренцией норм и субъективным толкованием оценочных признаков квалификации, «не только не устранены, но и обострены введением в КоАП РФ новых пограничных (иногда одноименных) с преступлениями составов административных правонарушений. Это усиливает коррупциогенность ситуации, поскольку расширяются возможности необоснованного неприменения уголовной ответственности, скрытого официальным фактом административного наказания деяния с расплывчатыми оценочными признаками квалификации» [3]. При всей универсальности данной проблемы соотношения УК РФ и КоАП РФ сказанное в большей мере относится именно к правонарушениям экономического характера. Особенно остро эта проблема проявляется в таких сферах, как незаконное предпринимательство, банкротство, налоговые правонарушения и антимонопольное регулирование.

Показательным примером эволюции подходов к разграничению является институт административной преюдиции. Суть его заключается в том, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение экономического преступления только при условии, что ранее оно уже подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние и находится в состоянии административной наказанности. Введение административной преюдиции рассматривается как инструмент декриминализации, позволяющий смягчить уголовную репрессию в отношении предпринимателей, совершивших незначительные нарушения. Однако применение этого института порождает новые вопросы: насколько обоснованно автоматическое «превращение» административного правонарушения в преступление исключительно в силу повторности, и не нарушает ли это принцип справедливости и соразмерности наказания? В научной среде сформировались две принципиально разные позиции. В научной среде сложились две противоположные позиции относительно административной преюдиции. Одни исследователи видят в ней инструмент декриминализации экономических преступлений, позволяющий перенести ряд составов в КоАП РФ. По их мнению, сам подход к оценке этого института требует пересмотра: от карательной направленности следует перейти к декриминализирующей. Другие категорически возражают: административная преюдиция не может служить способом декриминализации в принципе. Единственным основанием для декриминализации они считают степень общественной опасности деяния. Статистика показывает, что с 2011 года, когда административная преюдиция появилась в УК РФ, и до декабря 2023 года в кодекс было включено 32 таких состава [4]. Это говорит о том, что механизм

востребован, но вместе с тем требует критического анализа.

Определённый отпечаток на проблему разграничения наложили и законодательные новеллы 2024 года. Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ была проведена частичная декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности. В частности, повышены пороги крупного и особо крупного размеров ущерба, дохода и задолженности: крупный размер увеличен с 2,25 млн. до 3,5 млн. рублей, а особо крупный – до 30,5 млн. рублей. Кроме того, из ч. 1 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) исключен такой обязательный признак состава, как извлечение дохода в крупном размере, а из ч. 2 – квалифицирующий признак, связанный с извлечением дохода в особо крупном размере [1]. Согласно разъяснениям Генеральной прокуратуры, декриминализована незаконная предпринимательская деятельность, сопряженная с извлечением крупного и особо крупного дохода, в случае если таким деянием не причинен крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Теперь при современной редакции ст. 171 УК РФ, вне зависимости от суммы, полученной в результате незаконного предпринимательства, состава преступления не будет – ответственность возможна только по ст. 14.1 КоАП РФ, максимальное наказание по которой составляет 8 тыс. руб. для физического лица, 10 тыс. руб. для должностных лиц и двести тыс. руб. для юридических лиц. С одной стороны, это снижает избыточное уголовно-правовое воздействие на предпринимателей, что соответствует тенденции гуманизации экономического уголовного законодательства. С другой стороны, возникают обоснованные сомнения в эффективности столь мягкой административной санкции для предотвращения незаконной предпринимательской деятельности, особенно когда речь идет о систематических нарушениях. Как отмечается в научной литературе, занятие предпринимательской деятельностью с нарушением разрешительного порядка фактически становится безнаказанным, вряд ли незаконных предпринимателей остановит административный штраф в размере (по основному составу) в 2 тыс. руб. Примечательно, что на протяжении пяти последних лет процент осуждения за незаконное предпринимательство был относительно стабилен и крайне незначителен, что свидетельствует об отсутствии излишней репрессивности на практике. Таким образом, причины исключения признака дохода в крупном размере остаются неясными, поскольку в пояснительной записке к законопроекту никаких комментариев по этому поводу не приводится.

Отдельного внимания заслуживает проблема разграничения налоговых правонарушений и налоговых преступлений. Налоговые правонарушения и налоговые преступления имеют разную правовую природу, что обусловлено различием в характере и степени их общественной опасности. При этом органы внутренних дел не наделены функциями налогового контроля в отношении субъектов предпринимательской деятельности, что создает дополнительные сложности при выявлении и квалификации соответствующих деяний. Существенной проблемой правоприменительной практики является также определение критериев, позволяющих отграничить разовые сделки гражданско-правового характера от систематической предпринимательской деятельности, требующей государственной регистрации. Согласно разъяснениям Федеральной налоговой службы России, признаками предпринимательской деятельности являются: систематичность получения доходов, направленность деятельности на систематическое получение прибыли, наличие устойчивых связей с контрагентами, учет проведенных операций, приобретение материалов и оборудования для осуществления деятельности. Представляется, что для квалификации деятельности как предпринимательской необходимо наличие совокупности указанных признаков, а не одного из них, что далеко не всегда обеспечивается на практике.

Проблема усугубляется и отсутствием единых методологических подходов к определению общественной опасности экономических правонарушений. Ряд исследователей констатирует, что общественная опасность не может быть эффективным и надежным критерием разграничения административного правонарушения и преступления [5]. На примере запретов, содержащихся в УК РФ и КоАП РФ, показано, что ни содержательные характеристики общественной опасности, ни ее характер и степень не в состоянии предопределить качественные характеристики совершаемого деяния и на этой основе провести четкое разделение преступлений и административных проступков. В условиях нестабильности и несформированности официальных экономических правоотношений «неадекватное признание того или иного деликта как общественно опасного» становится закономерным следствием. Поиск критерия разграничения преступления и правонарушения не сводится только к материальной структуре – общественной опасности; доктринальный подход указывает на то, что грани различия находятся не в области материального права, а за его пределами и могут быть объяснены лишь содержанием правовой политики, проводимой в государстве. Уголовное право выполняет в первую очередь охранительную функцию и не может объявлять преступлением деяние, не противоречащее Конституции РФ и разрешен-

ное нормами иных отраслей права (гражданского, налогового, финансового). Однако на практике противоправное поведение в экономической деятельности настолько тесно переплетается с правомерным, что разграничить гражданско-правовые деликты, административные правонарушения и преступления зачастую оказывается крайне сложно, особенно на стадии возбуждения уголовного дела. Это создает почву для субъективизма правоприменителя, что, в свою очередь, подрывает принцип правовой определенности и равенства всех перед законом.

Необходимость разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений обусловлена также требованиями Конституции Российской Федерации о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (часть 1 статьи 50). В целях реализации данного принципа пунктом 7 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ предусмотрено, что производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий постановления о возбуждении уголовного дела. Это означает, что при наличии признаков преступления, предусмотренного, например, статьей 171.4 УК РФ, административное производство по статье 14.17.1 КоАП РФ должно быть прекращено. Однако на практике своевременно распознать эти признаки и правильно квалифицировать деяние непросто. Правоприменителю требуются не только глубокие знания административного и уголовного законодательства, но и чёткие, непротиворечивые критерии разграничения. Сегодня таких критериев нет.

Система санкций, закреплённая в КоАП РФ и УК РФ, также не отличается согласованностью. Выбор оптимальных мер государственного принуждения вызывает затруднения. Прямой преемственности между административными правонарушениями и соответствующими уголовными составами не существует, в частности в сфере защиты добросовестной конкуренции. Это создаёт дополнительные сложности при квалификации. Диспозиции «экономических» норм УК и КоАП РФ плохо согласуются с регулятивными нормами, которые они обеспечивают. В итоге правоприменитель при толковании вынужден обращаться к нормативным правовым актам иного уровня. Это порождает неопределённость и противоречивую практику. В конечном счете, это подрывает эффективность как административно-правового, так и уголовно-правового воздействия на экономические отношения, создавая условия для ухода недобросовестных участников рынка от ответственности.

Следует отметить и то, что часть экономических преступлений с повышенной общественной опасностью изменения 2024 года не затронули вовсе – например, незаконная игорная деятельность осталась в периметре уголовной ответственности без корректировки порогов. Это свидетельствует о выборочном, а не системном подходе законодателя к декриминализации, что также затрудняет формирование единых критериев разграничения административной и уголовной ответственности. Дифференцированный подход к различным составам экономических преступлений, хотя и может быть обоснован различиями в их общественной опасности, тем не менее, требует четкой методологической базы, которая в настоящее время отсутствует.

Проблема разграничения административной и уголовной ответственности за экономические правонарушения остается одной из наиболее сложных и актуальных в современном праве. Административная преюдиция, призванная служить декриминализации, на практике требует осторожного обращения. Автоматическое её применение нередко ведёт к необоснованному ужесточению ответственности за деяния, которые по характеру общественной опасности не отличаются от административных проступков. Изменения 2024 года, продолжившие курс на декриминализацию экономических преступлений, поставили перед правоприменителем новые вопросы – насколько административные санкции соразмерны характеру и степени общественной опасности деяний. Решение этих проблем видится в разработке более чётких и содержательных критериев разграничения. Они должны основываться не только на количественных, но и на качественных характеристиках общественной опасности экономических правонарушений. Не менее важно и обеспечение системного единства норм административного и уголовного законодательства.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 06.04.2024 N 79-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473935/(дата обращения: 15.09.2026).

[2] Энциклопедия решений. Соотношение административной и уголовной ответственности (сентябрь 2026). URL: https://base.garant.ru/58076589/(дата обращения: 15.09.2026).

[3] Карташов Р.А. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за правонарушения в сфере экономики // Московский юридический журнал. – 2022. – № 7. URL: https://www.lawmgoujournal.ru/jour/article/view/597

(дата обращения: 15.09.2026).

[4] Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности: административная преюдиция в действии: монография / М. А. Лапина, Ю. В. Трунцевский, Г. Ф. Ручкина [и др.]. – Москва : Юстиция, 2016. – 222 с.

[5] Берестнев А.И. Основания соотношения экономического преступления с административным правонарушением // Юридические науки. – С. 3-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sootnosheniya-ekonomicheskogo-prestupleniya-s-administrativnym pravonarusheniem (дата обращения: 15.09.2026).

[6] Полунина, Е. Н. Значение размера ущерба на стадии возбуждения уголовного дела о краже / Е. Н. Полунина, А. М. Хавдок // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 115-117. – DOI 10.24412/2073-3313-2021-5-115-117. – EDN EUNWXY.

References:

[1] Federal Law No. 79 FZ dated April 6, 2024, “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” (latest version), April 6, 2024, No. 79 FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473935/ (accessed: September 15, 2026).

[2] Decision Encyclopedia. The relationship between administrative and criminal liability (September 2026). URL: https://base.garant.ru/58076589/(accessed: 15.09.2026).

[3] Kartashov R.A. On the issue of the relationship between criminal and administrative liability for offenses in the economic sphere // Moscow Law Journal. – 2022. – No. 7. URL: https://www.lawmgoujournal.ru/jour/article/view/597 (date of reference: 09/15/2026).

[4] Decriminalization of crimes in the sphere of economic activity: administrative prejudice in action: a monograph / M. A. Lapina, Yu.V. Truntsevsky, G. F. Ruchkina [et al.]. – Moscow : Justice, 2016. – 222 p .

[5] Berestnev A.I. The grounds for the correlation of economic crime with an administrative offense // Legal sciences. – pp. 3-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sootnosheniya-ekonomicheskogo-prestupleniya-s-administrativnym pravonarusheniem (date of appeal: 09/15/2026).

[6] Polunina, E. N. The value of the amount of damage at the stage of initiation of a criminal case of theft / E. N. Polunina, A.M. Havdok // Law and Law. – 2021. – No. 5. – pp. 115-117. – DOI 10.24412/2073-3313-2021-5-115-117. – EDN EUNWXY.

